

Б
Е
К

К
А
К

С
Ю
Ж
Е
Т

БЕК

КАК СЮЖЕТ

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра истории и теории литературы

*

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Российской академии наук

*

Кафедра теоретической и исторической поэтики
Российского государственного гуманитарного университета

Век как сюжет

**Тверь
2023**

УДК 821.161.6.09(082)
ББК Ш5(2+411.2)-34
В 26

Редакционная коллегия:
С.А. Васильева, С. В. Денисенко,
Ю.В. Доманский, А.Ю. Сорочан

Составитель: А.Ю. Сорочан

Рецензенты:
доктор филологических наук **М. В. Загидуллина**,
доктор филологических наук **С. Н. Пяткин**

В 26

Век как сюжет: Статьи и материалы / Ред.
С.А. Васильева и др. Сост. А.Ю. Сорочан. — Тверь:
ООО «Альфа Пресс», 2023. — 328 с. (Время как сюжет;
Вып. 12).

10.31860/ISBN 978-5-98721-072-7

В издание включены статьи и сообщения, посвященные анализу сюжетного потенциала социального времени в литературе и искусстве. В центре внимания участников проекта — различные художественные формы сюжетной репрезентации категории «век».

ISBN 978-5-98721-072-7

*В оформлении книги использованы
фотография Н.Ю. Сорочана и
фрагменты картины И.Е. Репина
«Торжественное заседание Государственного совета
7 мая 1901 года в день столетнего юбилея
со дня его учреждения»*

© Авторы статей, 2023

А. М. Грачева

**Полвека чаромутия Слова:
литературный юбилей А. М. Ремизова 1952 г.¹**

DOI: 10.31860/978-5-98721-072-7-90-96

В статье А. М. Грачевой проанализированы литературные отклики на празднование в 1952 г. двух юбилеев А. М. Ремизова — семидесятилетия со дня рождения и пятидесятилетия с начала его литературного пути. Большинство авторов юбилейных статей (Б. Зайцев, А. Потоцкий, Андрей Седых и др.) сходились во мнении, что Ремизов — классик русской литературы XX в. Однако некоторые авторитетные критики (Г. Адамович) так и не признали утверждаемую Ремизовым «теорию русского лада» органичным путем развития русской литературы.

Ключевые слова: Алексей Ремизов, русский авангард, Борис Зайцев, Георгий Адамович, эмиграция первой волны.

Главными знаменательными событиями в жизни Ремизова периода конца 1951 — середины 1953 г. были совпавшие по времени два его юбилея. 7 июля нового стиля (27 июня по старому стилю) 1952 г. писателю исполнилось 75 лет. На сентябрь того же года пришлась другая круглая дата — полвека с начала его творческого пути, истоком которого он считал момент публикации поэтического текста «Плач девушки перед замужеством» в московской газете «Курьер»².

В 1951–1953 гг. общее состояние здоровья Ремизова и, главное, его зрение продолжали ухудшаться. Вследствие этого он почти не покидал своей квартиры, за исключением коротких прогулок около дома, поездок к врачу и ежегодного посещения

¹Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда: проект № 22-28-00165 «Первая волна русской эмиграции в 1940-е — 1950-е гг.: культурные институции и межличностные коммуникации (по материалам архивов А. М. Ремизова)»; <https://rscf.ru/project/22-28-00165/>, ИРЛИ РАН.

²Н. Молдаванов [Ремизов А.М.]. Плач девушки перед замужеством // Курьер. 1902. 8 сент. № 248. С. 3.

щения могилы жены. В связи с этим празднование двух знаменательных ремизовских дат было отмечено не торжественными собраниями с участием юбиляра, а посвященными писателю статьями и публикациями во французской, итальянской и русской прессе. На юбилей писателя откликнулись статьями Марсель Арлян, Жан Шувевиль и ряд других авторитетных иностранных критиков и переводчиков. Русская эмиграция отметила эти даты публикациями о Ремизове в авторитетных изданиях («Русские новости», «Русская мысль», «Грани», «Новое русское слово»).

Несмотря на кажущуюся уединенность жизни отшельника с улицы Буало, в действительности Ремизов продолжал находиться в мейнстриме послевоенного литературного процесса русского Зарубежья и, в принципе, сам определил идеологический вектор тематики празднования двух знаменательных дат. Основной акцент был сделан именно на определении роли Ремизова-писателя в русской литературе.

Давний литературный спутник Ремизова Б. К. Зайцев в своей публикации, посвященной 50-летию с начала писательского пути Ремизова, напрямую адресуясь к юбиляру, отметил специфику его творчества как художественного феномена, в котором состоялось «сретение» старой и новейшей русских литератур. Он отмечал: «Московским человеком времен протопопа Аввакума сильнее всего и закрепились Вы, полагаю, в нашей литературе — но XVII-м веком, прошедшим чрез Гоголя, Достоевского и чрез русский символизм»¹. Зайцев подчеркнул, что в тяжелых условиях оторванности от русской земли, в эмиграции, у Ремизова осталось главное — это свобода творчества. Завершая свою статью, Зайцев писал, что у того «есть любимое дело, каждодневная работа над словом, питания поэтической стариной русской — Вы любите лад древней русской речи, редкостные слова, святость и чертовщину»².

Если в эмоционально-личностной статье Б. К. Зайцева были лишь обозначены параметры того места в литературном процессе, которое занял Ремизов, то тема определения роли

¹ Зайцев Б. Ремизову. К 50-летию литературной деятельности // Русская мысль. № 486. 19 сентября 1952.

² Там же.

писателя в литературе XX в. стала центральной в обстоятельной статье А. Потоцкого «Словесные ряды», которая была посвящена как 75-летию юбиляра, так и 50-летию начала его творческой деятельности. В ней критик охарактеризовал развитие литературного пути Ремизова-писателя, отметив раннее движение его художественного метода в направлении «преодоления» символизма. Потоцкий отмечал: «В отличие от Розанова, Белого и других, — для Ремизова прогресс и культура существуют: это — “явь”, прививающая людям новые навыки, привычки, инстинкты, чувства и мысли <...> Его искусство — жизненно, направлено на реальность, созвучно современности и зачастую предвосхищает будущее развитие нашего языка. Но можно ли сказать, что оно также и всенародно? Конечно, — но не “сегодня” еще»¹.

В «Новом русском слове» двум знаменательным датам в жизни писателя был специально посвящен номер от 22 июня 1952 г., в котором был помещен портрет писателя, а также опубликованы статьи и воспоминания Г. Адамовича, В. Завалишина, Ю. Сазоновой, Андрея Седых.

Наиболее концептуальный, уже не только критический, но и историко-литературный характер имели статьи В. Завалишина и Г. Адамовича. Подводя некий итог многолетним трудам Ремизова, их авторы рассуждали о том, что нового он внес в развитие русской литературы, отметив прежде всего его вклад в обновление языка писателя. Они также обсуждали вопрос о влиянии Ремизова на современников, рассуждали о его «учениках» и последователях.

В статье «Кудесник слова» В. Завалишин дал анализ художественной системы ремизовского творчества, рассматривая ее в исторической перспективе смены пластов русского искусства. Он постарался определить роль и значение древнерусской культуры (литературы, иконописи) в формировании эстетики произведений писателя. «Значительная часть творческой деятельности Ремизова, — отмечал Завалишин, — посвящена стремлениям воскресить более двухсот лет покоившуюся в обитом парчой гробе — культуру 17-го века. Впрочем, в отноше-

¹ Потоцкий А. Словесные лады // Русские новости (Париж). 1952. № 37. 22 июня.

нии к Ремизову термин “стилизация” вряд ли уместен, быть может, в данном случае следует ввести термин “преображенная реставрация”, преобразование старого — через реставрацию духа древнерусского искусства, — лепит из красоты минувшего новое <...>; тут воображение и впечатлительность <...> сметают преграды между реставрацией и оригинальным творчеством»¹. Признавая эстетическую ценность ремизовских произведений, созданных в стилистике «преображенной реставрации», критик более высоко оценил те, что отображали современность. Завалишин заключал свою статью признанием несомненного значения наследия писателя не только для литературы эмиграции, но и СССР: «Недооцененный и отброшенный в тень, Ремизов оказал тем не менее очень большое влияние на русскую литературу послереволюционного периода, в частности, на творчество Сергея Клычкова, Бориса Пильняка, Лидии Сейфуллиной»².

Один из наиболее авторитетных критиков «России в изгнании» Г. Адамович был многолетним оппонентом Ремизова в споре о приоритете «пушкинского» или «гоголевского» направлений в развитии русской литературы. И главным предметом их полемики был вопрос о языке писателя. В значительной степени упрощая суть проблемы, можно обозначить позицию Адамовича как защиту лингвистических принципов, которым следовали адепты первого направления. Начиная с А. С. Пушкина, в своих произведениях они руководствовались нормами литературного языка культурных слоев русского общества. Приверженцы второго («гоголевского» направления) обращались к языковым пластам, сохранившимся в устной народной речи, в фольклоре и древнерусской деловой письменности, и активно обновляли язык писателя за счет этих как бы «внелитературных» слоев. В преддверии грядущего юбилея Г. Адамович специально навестил Ремизова и далее опубликовал результаты их беседы. Критик предоставил писателю возможность самому изложить свое эстетическое credo — кратко представить свою «теорию русского лада». Приводя слова юби-

¹ Завалишин В. Кудесник слова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. 22 июня. № 14666. С. 2.

² Там же.

ляра, Адамович свидетельствовал: «Ремизов отвергает приписываемое ему стремление воскресить былую, допетровскую речь. / <—> Ничего воскрешать я не хочу. Воскресить ничего невозможно. Я хочу только перестроить нашу современную речь на исконный русский лад... хочу, чтобы она зазвучала порусски, только и всего. / Он сослался на Гоголя <...> Мне хотелось, — продолжал интервьюер, — назвать другое имя — Пушкина, преклонение перед которым Ремизов неизменно подчеркивает, но с которым неизбежно должны быть у него сложные и тяжелые внутренние счеты, именно в области слога и языка»¹. В итоге каждый из участников беседы остался при своем мнении в ключевом вопросе о приоритете «пушкинского» и «гоголевского» направлений. Однако Адамович, несмотря на свои многолетние принципиальные расхождения с писателем, также не мог не признать несомненной значимости его творчества, как выдающегося явления русской культуры XX в. В заключение своей статьи критик заявил, «что без Ремизова нашей новой литературы нельзя было бы себе и представить»².

Статьи-эссе мемуарного характера Ю. Сазоновой и Андрея Седых позволяли читателям и почитателям писателя узнать подробности и о прошедших годах жизни Ремизова, и о современных условиях его существования.

Ю. Сазонова писала: «Через 88 книг, по ремизовскому счету, через 50 лет непрерывного служения Слову пронес Ремизов свои “три клада”: любовь его к России и древней ее красе, веру в творческую силу Слова и утверждение единой непоколебимой любви. В одиночестве своего пути, в своеобразии своего художественного мира, сплетая сложные узоры человеческих существований, Ремизов славословил любовь и жизнь даже в самых скорбных и жутких своих произведениях»³.

В статье-мемуарах Андрея Седых «Президент Великой и вольной палаты» приводилось много сведений о парижской жизни и быте юбиляра периода 1940-х — начала 1950-х гг.,

¹ Адамович Г. В. У Ремизова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. 22 июня. № 14666. С. 8.

² Там же.

³ Сазонова Ю. Ремизовская Россия // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. 22 июня. № 14666.

рассказывалось о последствиях для четы Ремизовых первой бомбардировки Парижа, сообщались яркие подробности одной из встреч Ремизова с И. А. Буниным, наконец, явно со слов самого писателя в мифологическом ключе «волшебной сказки» повествовалось об эпизоде его посещения советского посольства.

В «Дневнике мыслей» Ремизова обе значимые даты — 75-летие со дня рождения и 50-летие с момента начала творческой деятельности — были зафиксированы на его и «дневных», и «ночных» страницах.

Так, получение писателем юбилейного номера газеты «Новое русское слово» получило отражение в образах сновидения.

Сон с 23 на 24 июня 1952 г.:

Ночь под Ивана-Купала. <...>

Мне показывают страницу от Н<ового> Р<усского> С<лова>. Мой портрет: пятно.

Кто-то говорит: «Такое впечатление, как будто кто-то плюнул»¹.

В день рождения (24 июня 1952 г.) на «дневной» стороне дневника появилась лишь краткая, обведенная в квадрат запись: «75 лет»², а рядом был помещен список праздничных визитеров из «ближнего круга» друзей и помощников.

В сентябре на полях дневниковой записи сна в ночь с 20 на 21 сентября 1952 г. Ремизов пометил: «50 лет. 1902□1952»³, тем самым обозначив главную знаменательную для него дату — полвека со дня начала литературной деятельности.

В итоге, анализ публикаций 1952 г. позволяет сделать вывод о том, что для Ремизова наиболее значимым событием года стал полувековой юбилей его писательского пути. В большинстве поздравительных статей основной акцент был сделан на значении ремизовского творчества для развития русской литературы, подчеркнута его современность и способность быть школой для новых поколений писателей. В то же время, даже

¹ Ремизов А. М. Дневник с записями снов. № XIII. 17 июня — 13 сентября 1952 // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 43. Л. 6.

² Там же. Л. 6 об.

³ Ремизов А. М. Дневник с записями снов. № XIV. 13 сентября □ 30 ноября 1952 // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 44. Л. 8 об.

под звуки «фанфар» юбилейных славословий, Ремизов, воспользовавшись предоставленной ему журналистской «трибуной», продолжил отстаивать верность следования по избранной им литературной дороге развития «теории русского лада»¹.

A.M. Gracheva

Half a century of the magic of the Word: the literary anniversary of A.M. Remizov 1952

In the article by A.M. Gracheva analyzed literary responses to the celebration in 1952 of two anniversaries of A.M. Remizov — the seventieth anniversary of his birth and the fiftieth anniversary of his literary career. Most of the authors of the anniversary articles (B. Zaitsev, A. Pototsky, Andrey Sedykh and others) agreed that Remizov is a classic of Russian literature of the 20th century. However, some authoritative critics (G. Adamovich) did not recognize the "theory of the Russian mode" asserted by Remizov as an organic way of developing Russian literature.

Keywords: *Alexei Remizov, Russian avant-garde, Boris Zaitsev, Georgy Adamovich, emigration of the first wave.*

ОБ АВТОРЕ

ГРАЧЕВА Алла Михайловна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹См. подробнее: *Грачева А. М.*: 1) Истоки и эволюция «теории русского лада» Алексея Ремизова (1900 —1920-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 232□257; 2) «Теория русского лада» Алексея Ремизова (1930 —1950-е гг.) // Там же. 2021. Т. 19. № 1. С. 347□374.